
ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИСТИКИ

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ДОХОДА НА ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ ИНДИВИДОВ НА ГЛОБАЛЬНОМ УРОВНЕ*

Зинькина Ю. В., Устюжанин В. В., Шульгин С. Г., Коротаев А. В.**

Исследование, проведенное с использованием количественного анализа базы данных Всемирного обзора ценностей, показывает, что в целом более богатые люди больше склонны придерживаться ценностей самовыражения, в том числе доверять людям, быть терпимее к гомосексуализму, они в большей степени, чем более бедные, готовы подписывать петиции и участвовать в протестах. При этом не наблюдается столь же выраженной приверженности более богатых людей секулярно-рациональным ценностям в противовес традиционно-религиозным ценностям. К примеру, более богатые люди позитивнее относятся к браку, являются более активными членами церковных организаций, более положительно относятся к неравенству и конкуренции, а также более склонны гордиться своей национальной принадлежностью, что, согласно Р. Инглхарту, является показателями приверженности именно традиционно-религиозным ценностям.

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

** Зинькина Юлия Викторовна – д. э. н., старший научный сотрудник РАНХиГС. E-mail: juliazin@list.ru.

Julia V. Zin'kina – Dr. Econ., Senior Research Fellow of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: juliazin@list.ru.

Устюжанин Вадим Витальевич – стажер-исследователь НИУ ВШЭ, м. н. с. РАНХиГС. E-mail: vvustiuzhanin@hse.ru.

Vadim V. Ustyuzhanin – Intern Researcher of HSE University; Junior Research Fellow of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: vvustiuzhanin@hse.ru.

Шульгин Сергей Георгиевич – к. э. н., заместитель заведующего лабораторией Российской академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте РФ. E-mail: sergey@shulgin.ru.

Sergey G. Shulgin – Ph.D. Econ., Vice-head of Laboratory at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: sergey@shulgin.ru.

Коротаев Андрей Витальевич – д. и. н., заведующий лабораторией Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте РФ. E-mail: akorotayev@gmail.com.

Andrey V. Korotayev – Dr. Hist., Laboratory Head, HSE University; Leading Research Fellow of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: akorotayev@gmail.com.

Ключевые слова: ценности глобального мира, уровень доходов, ценности выживания, ценности самовыражения, традиционно-религиозные ценности, секулярно-рациональные ценности.

INCOME LEVEL IMPACT UPON HUMAN VALUES AT THE GLOBAL LEVEL

A study conducted using quantitative analysis of the World Values Survey database shows that richer people are more likely to adhere to self-expression values, including trusting people more, being more tolerant of homosexuality, and being more willing to sign petitions and participate in protests than poor people. At the same time, we cannot state that rich people are unequivocally more committed to secular rational values as opposed to traditional religious values. For example, richer people are more inclined to such traditional religious values (according to R. Inglehart) as being more positive about marriage, being more active members of church organizations, being more positive about inequality and competition, and being proud of their national identity. The article was prepared as a part of the research work of the state task of the RANEPА.

Keywords: global values, income level, survival values, self-expression values, traditional religious values, secular rational values.

Вопрос о том, делает ли людей более счастливыми улучшение их материального благосостояния, представляет значительный интерес в современном глобальном мире с учетом колоссального увеличения объема мировой экономики во второй половине XX – начале XXI в. Более общий вопрос, изменяет ли богатство структуру индивидуальных ценностей человека в целом, уже на протяжении достаточно долгого времени привлекает внимание исследователей. Две самые разработанные теории в этой области связаны с именами Р. Истерлина и Р. Инглхарта.

Доходы и удовлетворенность жизнью: гипотеза Истерлина

Еще в 1974 г. Ричард Истерлин привел некоторые доказательства достаточно парадоксального, на первый взгляд, утверждения: увеличение среднего дохода не приводит к повышению среднего уровня субъективного благополучия; это наблюдение стало известно как парадокс Истерлина. Ряд других ученых также утверждают, что современные общества не должны ожидать значительного улучшения уровня субъективного благополучия населения от экономического роста [Easterlin 1974; Easterlin *et al.* 2010; Bartolini, Sarracino 2015].

Однако в последние годы новые и более полные данные позволили более тщательно проверить предположение Истерлина, и ряд исследований пришли к прямо противоположным выводам:

- имеется устойчивая положительная связь между субъективной оценкой благополучия и доходом в разных странах и во времени [Deaton 2008; Stevenson, Wolfers 2008; Sacks *et al.* 2012a; 2012b; Inglehart *et al.* 2008; Veenhoven, Vergunst 2014];
- люди в более богатых странах сообщают о большем уровне удовлетворенности жизнью, чем люди в более бедных странах [Ng, Diener 2019];
- богатство страны повышает влияние индивидуального уровня богатства на удовлетворенность жизнью [Diener *et al.* 2013; Ng, Diener 2014].

Некоторые исследователи выступают за модифицированную версию гипотезы Истерлина, признавая существование связи между доходом и благополучием среди населения, чьи основные потребности не удовлетворены, но утверждая, что после достижения определенного порогового уровня дальнейший рост дохода не связан с субъективным благополучием. Сам Истерлин в своих недавних работах также отметил, что взаимосвязь между экономическим ростом и субъективным благополучием зависит от того, является ли страна развитой, развивающейся или находится на переходном этапе [Easterlin 2009]. Это предположение подтверждается другими исследователями, показывающими, что экономический рост не коррелирует с удовлетворенностью жизнью в непереходных странах, однако в странах с переходной экономикой удовлетворенность людей своей жизнью положительно и значимо связана с экономическим ростом [Mikucka *et al.* 2017; Bartolini *et al.* 2017]. Отмечается также роль фактора времени – экономический рост и тенденции субъективного благополучия связаны в краткосрочной перспективе, но эта корреляция исчезает в долгосрочной перспективе [Easterlin 2003; Easterlin *et al.* 2010; Bartolini, Sarracino 2014].

Однако российские авторы показали, что между ВВП на душу населения и субъективным ощущением счастья существует довольно сложная зависимость. С одной стороны, есть довольно большое число стран (в особенности в Латинской Америке), где низкие значения душевного ВВП сочетаются с очень высоким уровнем субъективного счастья. С другой стороны, в богатых странах уровень субъективного ощущения счастья может быть и несколько ниже, чем в некоторых странах с низкими доходами, но при этом нет экономически развитых стран, где наблюдались бы очень низкие показатели субъективного благополучия. Это позволило российским авторам дать своей статье название «Можно быть бедным и счастливым, но нельзя быть богатым и несчастным». С другой стороны, наблюдается достаточно выраженная корреляция между относительной экономической динамикой и субъективным благополучием – выражено отрицательное влияние на субъективное ощущение счастья оказывают экономические спады. При этом экономические подъемы во всех странах – и бедных, и богатых – коррелируют с ростом субъективного ощущения благополучия [Коротаев, Халтурина 2008].

М. Микучка с соавторами определяют два условия, которые со временем делают долгосрочный экономический рост совместимым с субъективным благополучием: рост доверия в обществе и снижение неравенства доходов. Их методологический вклад заключается в объединении данных микро- и макроуровня из Всемирного обзора ценностей Европейского исследования ценностей для большой выборки развивающихся стран, государств с переходной экономикой и развитых стран с 1981 по 2012 г. Результаты исследования показывают, что в долгосрочной перспективе экономический рост улучшает субъективное благополучие, когда не снижается социальное доверие, а в более богатых странах – когда сокращается неравенство в доходах [Mikucka, Sarracino 2014]. Значимость фактора неравенства отмечают и другие исследователи, приходя к выводу, что люди с более высокими доходами имели более высокую оценку удовлетворенности жизнью, чем те, кто имел сравнительно низкие доходы, но этот эффект был сильнее в странах с меньшим уровнем экономического неравенства [Ng, Diener 2019]. Что касается доверия, было показано, что на выборке из 46 стран изменения уровня

доверия в обществе положительно и значимо коррелируют с удовлетворенностью жизнью. Этот результат подтверждает предыдущие данные, показывающие, что в долгосрочной перспективе социальный капитал является одним из основных предикторов удовлетворенности жизнью [Bartolini, Sarracino 2014]. Более того, рост социального доверия сильнее коррелирует с удовлетворенностью жизнью в богатых странах, чем в бедных. По всей выборке стран было обнаружено, что, когда экономический рост сопровождается ростом социального доверия, рост ВВП положительно коррелирует с удовлетворенностью жизнью [Mikucka *et al.* 2017]. Сочетание роста доходов с сужением их распределения может в течение примерно двух десятилетий привести к значительным изменениям в уровнях социального доверия. Неравенство доходов отрицательно связано с социальным доверием [Kemp-Benedict 2013]. Сокращение региональных доходов приводит к ухудшению доверия [Ananyev, Guriev 2019].

Доходы и переход к постматериалистическим ценностям: гипотеза Инглхарта

Р. Инглхарт утверждал, что существует эволюционная закономерность, заключающаяся в том, что беспрецедентный уровень благосостояния в современных постиндустриальных обществах коренным образом изменил способы достижения счастья гражданами. Во многом благодаря повышению уровня жизни и широко распространенному мнению, что экзистенциальная безопасность может считаться само собой разумеющейся, происходит кардинальное изменение ценностных приоритетов от материалистических ценностей выживания к постматериалистическим ценностям самовыражения. Тогда вполне возможно, что экзистенциальная безопасность соответствующим образом изменила «рецепты» счастья людей. Об этом отчасти свидетельствует и хорошо известная кривая счастья в зависимости от межнационального дохода: более богатые общества, как правило, имеют более счастливое население, чем бедные страны, но при более высоком уровне благосостояния кривая становится более плоской: при высоком уровне благосостояния очень значительный рост доходов приводит к достаточно незначительному росту субъективного ощущения счастья, несравненно меньшему, чем тот рост субъективного благополучия, который наблюдался бы при сопоставимом росте доходов в бедных странах [Inglehart, Klingemann 2000].

Существует систематическая закономерность: чем более распространены в обществе постматериалистические ценности, тем больше граждане ценят личную автономию относительно дохода. В более богатых странах личная автономия сильнее влияет на удовлетворенность жизнью. Однако и эта зависимость не является линейной, она также сглаживается на более высоких уровнях благосостояния [Delhey 2010].

Исследование детерминант уровня удовлетворенности жизнью, основанное на данных четвертой волны Всемирного обзора ценностей (2010–2014 гг., 85 070 респондентов из 59 стран), показало, что наиболее значимыми факторами, влияющими на удовлетворенность жизнью, были состояние здоровья, финансовая удовлетворенность домохозяйства и свобода выбора [Ngamaba 2017].

Гипотезу Инглхарта подтверждают и некоторые исследования, построенные на данных опросов агентства Gallup. В опросах различаются категории эмоцио-

нального благополучия и удовлетворенности жизнью. Эмоциональное благополучие (иногда называемое гедонистическим благополучием или переживаемым счастьем) относится к эмоциональному качеству повседневного опыта человека – частоте и интенсивности переживаний радости, увлечения, беспокойства, печали, гнева и привязанности, которые делают жизнь человека приятной или неприятной. Оценка удовлетворенности жизнью относится к мыслям человека о своей жизни. Исследования субъективного благополучия традиционно делали упор на оценку удовлетворенности жизнью. Наиболее часто задаваемый вопрос в этих опросах – «Насколько вы удовлетворены своей жизнью в целом в эти дни?»

Одно из исследований, построенных на данных Gallup, показывает, что по всем показателям эмоционального благополучия лица из групп с более низким доходом в среднем имели более низкие значения, чем лица из групп с высоким доходом, но эти показатели были практически одинаковыми для лиц из двух верхних групп по доходам. Такое наблюдение подразумевает, что эмоциональное благополучие выходит на уровень насыщения, и для дохода выше примерно 75 000 долларов в год не происходит никакого улучшения ни по одному из трех показателей эмоционального благополучия [Kahneman, Deaton 2010]. Другое исследование, также основанное на данных всемирного опроса Gallup, приходит к схожим выводам и демонстрирует уменьшение предельного влияния дохода на субъективное благополучие. Доход был умеренно сильным предиктором самооценки удовлетворенности жизнью, но гораздо более слабым предиктором положительных и отрицательных чувств [Diener *et al.* 2010].

Доходы и система индивидуальных ценностей

Влияние доходов на структуру индивидуальных ценностей изучено неравномерно – некоторые аспекты, такие как соотношение доходов и уровня удовлетворенности жизнью или доходов и уровня счастья, изучены достаточно глубоко, как было показано выше (хотя и в этих соотношениях сохраняются аспекты, по которым пока не достигнут научный консенсус). Однако влияние уровня доходов на многие другие ценностные установки изучено недостаточно. В настоящей работе мы предпринимаем попытку систематического описания картины индивидуальных ценностей, изменяющихся в той или иной степени под влиянием доходов.

Мы рассматриваем многофакторные модели, в которых переменные, описывающие ценности, зависят от уровня дохода и контролируются на возраст и когорту, пол респондентов, уровень образования, семейное положение, положение на рынке труда / занятость, также мы контролируем на все страно-волны. В работе делается оценка эконометрических моделей по широкому набору индивидуальных ценностей на данных Всемирного обзора ценностей с учетом данных первой – седьмой волн обследования. Анализируется массив данных для более 350 000 наблюдений, собранных в более чем 250 страновых исследованиях свыше 100 стран мира. В табл. 1 в Приложении представлены оценки влияния уровня дохода на ценностные установки на глобальном уровне (переменные ранжированы по силе коэффициента регрессионной модели – другими словами, в начале таблицы идут те ценности, на которые доход оказывает наибольшее влияние).

В первую очередь можно отметить, что влияние материального благополучия на ценности индивида ведет себя в соответствии с теоретическими ожиданиями,

заложенными в теории Р. Инглхарта: чем выше доход, тем более индивид привержен ценностям самовыражения. Так, от дохода сильно и положительно зависят такие базовые переменные оси ценностей выживания/самовыражения, как: (1) чувство счастья (вопросы A008, косвенно – A170); (2) уровень доверия к людям (A168A, A165); (3) выбор в пользу постматериалистических ценностей в противовес экономической защищенности и безопасности (E003_3/4, E005_3/4, E003_1/4); (4) приемлемость гомосексуализма (F118 и A124_09); и (5) активная гражданская позиция, выражающаяся в более активном участии в общественных организациях (A104, A099, A100, A105, A103, A101), подписании петиций (E025) и присоединении к демонстрациям (E026).

В целом такой же результат получается, если смотреть не на базовые ценности по оси выживания/самовыражения, но и на их корреляты, выделенные Р. Инглхартом и К. Вельцелем: доход положительно и значимо связан с приверженностью индивида ценностям самовыражения, среди которых стоит выделить те, на которые доход оказывает наибольшее влияние: субъективное состояние здоровья (A009) и большее внимание досугу и друзьям (A003, A002); высокую толерантность (на примере отношения к проституции [F119] или самоубийству [F123], а также к возможным соседям – A124_07, A124_06, A124_05, A124_12, A124_02); стремление к индивидуализму (E037) и ощущение свободы собственного выбора (A173); поддержка идей о равенстве полов (C001_1/3, D059, D060, C001_2/3; D057); поддержка расширения рыночных отношений (E036) и выделение демократической политической системы в качестве лучшей (E117); акцентирование внимания на воспитании в детях воображения (A034) и, что интересно, настойчивости (A039).

Тем не менее стоит отметить некоторые интересные закономерности, вытекающие из базовых установок выживания/самовыражения, которые не рассматривались Р. Инглхартом и К. Вельцелем. Так, богатые люди больше доверяют не только людям, но и в принципе любым организациям: крупным компаниям (E069_13), надправительственным организациям по типу Европейского союза (E069_18) или Организации Объединенных Наций (E069_20), СМИ (E069_04, E069_10), а также политическим партиям (E069_12), правительству (E069_08, E069_11) и парламенту (E069_07). Доверие к политическим и государственным организациям также может быть объяснено большим вовлечением богатых людей в политику (E023), что является уже показателем их приверженности секулярно-рациональным ценностям. Тем не менее богатые люди в меньшей степени, чем необеспеченные, доверяют профсоюзам (E069_05), что является некоторым исключением из вышеописанного явления всеобъемлющего доверия.

Также важно заметить, что богатые люди в большей степени склонны оправдывать получение взяток (F117) или, например, безбилетный проезд в общественном транспорте (F115), чем люди с более низкими доходами, что не объясняется теорией и является довольно интересным явлением.

Кроме того, богатые люди склонны считать, что права человека хорошо защищены и уважаются (E035), что несколько расходится с теорией о ценностях самовыражения/выживания: богатые люди, наоборот, должны быть крайне обеспокоены соблюдением прав человека в силу их склонности к постматериалистическим ценностям самовыражения. Однако такое интересное отклонение от тео-

рии может быть отчасти объяснено влиянием третичных факторов, прежде всего – страновыми эффектами. Все же наиболее богатое население сконцентрировано в развитых странах, где права человека защищены относительно лучше, чем в развивающихся государствах. Другими словами, такое яркое различие между людьми с высокими и низкими доходами в озабоченности правами человека в собственной стране может объясняться тем, что заметная доля малообеспеченных людей, участвующих в опросе, была из развивающихся стран.

Еще одним наблюдением является то, что, как отмечалось, богатые люди довольно толерантны, что выражается в их готовности сосуществовать с разными социальными или этническими группами: гомосексуалистами (A124_09); людьми, у которых есть СПИД (124_07); евреями (A124_10); иммигрантами (A124_06); мусульманами (A124_05); или людьми другой конфессии (A124_12) или расы (A124_02). Однако это не распространяется на эмоционально неустойчивых людей: богатые люди не хотят жить рядом с ними (A124_04).

Как уже было сказано, доход индивида в первую очередь влияет на ценности, так или иначе связанные с самовыражением: все верхние строки в табл. 1 занимают либо переменные из «ядра» этих ценностей, либо корреляты этой оси. При этом традиционные / секулярно-рациональные ценности все же также объясняются доходом, хотя и не попадают по силе эффекта в начало таблицы. Так, первой переменной из этой системы ценностей является более позитивное отношение к абортам (F120), входящее в ядро секулярно-рациональных ценностей: богатые люди в целом более толерантны к ним. Та же зависимость наблюдается и по отношению к самоубийствам (F123) и разводам (F121). Однако при этом богатые люди все же привержены семейным ценностям, что идет в расхождение с исследованием Р. Инглхарта и К. Вельцеля, согласно которому среди лиц, приверженных постматериалистическим ценностям самовыражения, брак должен считаться устаревшим институтом (D022), в то время как среди богатых отношение к браку оказывается в целом более позитивным, чем среди бедных. Семья играет для богатых людей все же более значительную роль по сравнению с бедными (A001), что также является маркером приверженности скорее традиционно-религиозным, а не рационально-секулярным ценностям. Тем не менее уважение родителей не является для них целью жизни (D054), как это характерно для сторонников традиционно-религиозных ценностей. Помимо этого, богатые люди меньше внимания уделяют трудовой деятельности, что видно из их положительной оценки уменьшения важности работы в будущем (E015) и нерассмотрения ее в качестве важного элемента жизни (A005), что также более характерно для людей, разделяющих секулярно-рациональные ценности.

Также богатые люди в принципе менее религиозны: религия для них не играет значимую роль (A006), они менее склонны верить в ад (F053) и Бога (F050), меньше думают о смысле жизни (F001), а также менее склонны доверять церкви (E069_01), хотя при этом чаще являются более активными членами церковных организаций (A098), что отчасти объясняется их большей активностью в любых организациях, но заслуживает дальнейшего внимания.

Еще одним важным фактором в различии между обеспеченными и необеспеченными людьми является их подход к воспитанию детей, также коррелирующий с осью традиционных/секулярно-рациональных ценностей. Так, богатые люди

в качестве важных детских качеств чаще упоминают независимость (A029), но не послушание (A042) или религиозность (A040), что является маркером приверженности секулярно-рациональным ценностям. Также обеспеченные люди не выделяют экономию денег (A038) или трудолюбие (A030) в качестве важных черт воспитания, однако обращают внимание на ответственность (A032) и считают, что упорный труд приносит в долгосрочной перспективе лучшую жизнь (E040); это отчасти расходится с теорией в том, что богатые должны придавать меньшее значение работе в принципе.

Также характерной чертой более богатых людей являются их большая заинтересованность политикой (E023, A004) и большее участие в политических организациях (A102), что отражает их приверженность секулярно-рациональным ценностям. Однако более обеспеченные люди относят себя к правой части политического спектра (E033) и выступают за неравенство в качестве стимулирующего фактора (E035) и конкуренцию (E039), что идет вразрез с исследованием Р. Инглхарта и К. Вельцеля, где сторонники секулярно-рациональных ценностей определяют себя как левых и скорее выступают за полное равенство. Кроме того, обеспеченные люди хоть и более склонны считать себя гражданами мира (G019), однако гордятся своей национальной принадлежностью (G006) и считают себя в том числе гражданами своей страны, но при этом не видят в большом уважении к власти хорошей тенденции (E018).

Заключение

Итак, среди всех ценностных установок, охваченных Всемирным обзором ценностей, наиболее хорошо изучена связь доходов со счастьем и субъективным уровнем благополучия, а также с уровнем доверия к другим людям. Детальное изучение связи дохода с субъективным уровнем благополучия началось с работ Р. Истерлина, показавшего, что увеличение среднего дохода не приводит к повышению среднего уровня субъективного благополучия. К настоящему времени накоплен значительный блок исследований, в которых этот вывод подтверждается или не подтверждается при различных условиях. Что касается счастья, хотя в бедных странах возможны как очень низкие, так и очень высокие показатели среднего субъективного ощущения счастья, в богатых странах не наблюдается низких средних уровней субъективного благополучия. При этом при превышении определенного уровня доходов уровень счастья перестает возрастать. Имеется также заметный блок исследований, показывающих связь дохода с уровнем доверия; важную роль в этой связи играет также уровень неравенства.

Наше исследование подтверждает ряд положений теории Р. Инглхарта, показывая, что на глобальном уровне доходы влияют прежде всего на дихотомию ценностей выживания/самовыражения: в целом более богатые люди склонны придерживаться ценностей самовыражения в значимо большей степени, чем бедные. Например, для более богатых людей в целом характерен более высокий уровень доверия к людям, более частый выбор в пользу постматериалистических ценностей в противовес экономической защищенности и безопасности, более терпимое отношение к гомосексуализму, более активное участие в общественных организациях, большая готовность подписывать петиции и участвовать в протестах. Кроме того, более богатые респонденты демонстрируют большую привер-

женность и таким коррелятам постматериалистических ценностей самовыражения, как большее внимание к досугу и друзьям, более высокая толерантность к проституции и самоубийствам, большая терпимость к соседству с гомосексуалистами, евреями, иммигрантами, мусульманами, в целом с людьми иных конфессий или рас, а также с больными СПИДом.

При этом не наблюдается столь же выраженной приверженности богатых людей секулярно-рациональным ценностям в противовес традиционно-религиозным. С одной стороны, богатые люди более склонны придерживаться таких секулярно-рациональных ценностей, как более позитивное отношение к абортам, самоубийствам, разводам; меньшее внимание к работе в своей жизни. С другой стороны, богатые люди более склонны придерживаться некоторых традиционно-религиозных ценностей. К примеру, они более позитивно относятся к браку, являются более активными членами церковных организаций, чаще считают, что упорный труд приносит в долгосрочной перспективе лучшую жизнь, чаще позиционируют себя в правой части политического спектра, более позитивно относятся к неравенству и конкуренции, а также более склонны гордиться своей национальной принадлежностью, что, согласно Р. Инглхарту, является показателями приверженности именно традиционно-религиозным ценностям.

Литература

Коротаев А. В., Халтурина Д. А. Можно быть бедным и счастливым, но нельзя быть богатым и несчастным? К проблеме критериев социального прогресса // Проблемы математической истории: Историческая реконструкция, прогнозирование, методология / под ред. Г. Г. Малинецкого, А. В. Коротаева. М. : ЛИБРОКОМ/URSS, 2008. С. 215–237.

Ananyev M., Guriev S. Effect of Income on Trust: Evidence from the 2009 Economic Crisis in Russia // *The Economic Journal*. 2019. Vol. 129. No. 619. Pp. 1082–1118.

Bartolini S., Mikucka M., Sarracino F. Money, Trust and Happiness in Transition Countries: Evidence from Time Series // *Social Indicators Research*. 2017. Vol. 130. Pp. 87–106.

Bartolini S., Sarracino F. Happy for How Long? How Social Capital and GDP Relate to Happiness over Time // *Ecological Economics*. 2014. Vol. 108. Pp. 242–256.

Bartolini S., Sarracino F. The Dark Side of Chinese Growth: Declining Social Capital and Well-being in Times of Economic Boom // *World Development*. 2015. Vol. 74. Pp. 333–351.

Deaton A. Income, Health, and Well-Being around the World: Evidence from the Gallup World Poll // *Journal of Economic Perspectives*. 2008. Vol. 22. No. 2. Pp. 53–72.

Delhey J. From Materialist to Post-materialist Happiness? National Affluence and Determinants of Life Satisfaction in Cross-national Perspective // *Social Indicators Research*. 2010. Vol. 97. No. 1. Pp. 65–84.

Diener E., Ng W., Harter J., Arora R. Wealth and Happiness Across the World: Material Prosperity Predicts life Evaluation, Whereas Psychosocial Prosperity Predicts Positive Feeling // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. Vol. 99. No 1. Pp. 52–61.

Diener E., Tay L., Oishi S. Rising Income and the Subjective Well-being of Nations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2013. Vol. 104. No. 2. Pp. 267–276.

Easterlin R. A. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence // Nations and Households in Economic Growth / ed. by P. A. David, M. W. Reder. Palo Alto, CA : Stanford University Press, 1974. Pp. 98–125.

Easterlin R. A. Explaining Happiness // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2003. Vol. 100. No. 19. Pp. 11176–11183.

Easterlin R. A. Lost in Transition: Life Satisfaction on the Road to Capitalism // Journal of Economic Behavior & Organization. 2009. Vol. 71. No. 2. Pp. 130–145.

Easterlin R. A., McVey L. A., Switek M., Sawangfa O., Zweig J. S. The Happiness-Income Paradox Revisited // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2010. Vol. 107. No. 52. Pp. 1–6.

Inglehart R., Foa R., Peterson C., Welzel C. Development, Freedom, and Rising Happiness: A Global Perspective (1981–2007) // Perspectives on Psychological Science. 2008. Vol. 3. No. 4. Pp. 264–285.

Inglehart R., Klingemann H.-D. Genes, Culture, Democracy, and Happiness // Subjective Well-being Across Cultures / ed. by E. Diener, E. M. Suh. Cambridge, MA : MIT Press, 2000. Pp. 165–183.

Kahneman D., Deaton A. High Income Improves Evaluation of Life but not Emotional Well-being // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2010. Vol. 107. No. 38. Pp. 16489–16493.

Kemp-Benedict E. Inequality and Trust: Testing a Mediating Relationship for Environmental Sustainability // Sustainability. 2013. Vol. 5. No. 2. Pp. 779–788.

Mikucka M., Sarracino F. Making Economic Growth and Well-being Compatible: The Role of Trust and Income Inequality. 2014. MPRA Paper No. 59695 [Электронный ресурс]. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/59695/> (дата обращения: 14.06.2022).

Mikucka M., Sarracino F., Dubrow J. K. When Does Economic Growth Improve Life Satisfaction? Multilevel Analysis of the Roles of Social Trust and Income Inequality in 46 Countries, 1981–2012 // World Development. 2017. Vol. 93. Pp. 447–459.

Ng W., Diener E. Affluence and Subjective Well-being: Does Income Inequality Moderate Their Associations? // Applied Research in Quality of Life. 2019. Vol. 14. No. 1. Pp. 155–170.

Ng W., Diener E. What Matters to the Rich and the Poor? Subjective Well-being, Financial Satisfaction, and Postmaterialist Needs Across the World // Journal of Personality and Social Psychology. 2014. Vol. 107. No. 2. Pp. 326–338.

Ngamaba K. H. Determinants of Subjective Well-being in Representative Samples of Nations // European Journal of Public Health. 2017. Vol. 27. No. 2. Pp. 377–382.

Sacks D. W., Stevenson B., Wolfers J. Subjective Well-being, Income, Economic Development and Growth // The Pursuit of Happiness / ed. by P. Booth. London : The Institute of Economic Affairs, 2012a. Pp. 59–98.

Sacks D., Stevenson B., Wolfers J. The New Stylized Facts About Income and Subjective Well-being // Emotion. 2012b. Vol. 12. No. 6. Pp. 1181–1187.

Stevenson B., Wolfers J. Economic Growth and Happiness: Reassessing the Easterlin Paradox // Brookings Papers on Economic Activity. 2008. Pp. 1–87.

Veenhoven R., Vergunst F. The Easterlin Illusion: Economic Growth Does Go with Greater Happiness // *International Journal of Happiness and Development*. 2014. Vol. 1. No. 4. Pp. 311–343.

References

Korotayev A. V., Khaltourina D. A. *Mozhno byt' bednym i schastlivym, no nel'zja byt' bogatym i neschastnym? K probleme kriteriyev sotsial'nogo progressa [One Can Be Poor and Happy, but One Cannot Be Rich and Unhappy? On the Problem of Social Progress Criteria]* // *Problemy matematicheskoy istorii: Istoricheskaja rekonstruktsiya, prognozirovaniye, metodologiya [The Problems of Mathematical History: Historical Reconstruction, Forecasting, Methodology]* / ed. by G. G. Malinetskiy, A. V. Korotayev. Moscow : LIBRO-KOM/URSS, 2008. Pp. 215–237.

Ananyev M., Guriev S. Effect of Income on Trust: Evidence from the 2009 Economic Crisis in Russia // *The Economic Journal*. 2019. Vol. 129. No. 619. Pp. 1082–1118.

Bartolini S., Mikucka M., Sarracino F. Money, Trust and Happiness in Transition Countries: Evidence from Time Series // *Social Indicators Research*. 2017. Vol. 130. Pp. 87–106.

Bartolini S., Sarracino F. Happy for How Long? How Social Capital and GDP Relate to Happiness over Time // *Ecological Economics*. 2014. Vol. 108. Pp. 242–256.

Bartolini S., Sarracino F. The Dark Side of Chinese Growth: Declining Social Capital and Well-being in Times of Economic Boom // *World Development*. 2015. Vol. 74. Pp. 333–351.

Deaton A. Income, Health, and Well-Being around the World: Evidence from the Gallup World Poll // *Journal of Economic Perspectives*. 2008. Vol. 22. No. 2. Pp. 53–72.

Delhey J. From Materialist to Post-materialist Happiness? National Affluence and Determinants of Life Satisfaction in Cross-national Perspective // *Social Indicators Research*. 2010. Vol. 97. No. 1. Pp. 65–84.

Diener E., Ng W., Harter J., Arora R. Wealth and Happiness Across the World: Material Prosperity Predicts life Evaluation, Whereas Psychosocial Prosperity Predicts Positive Feeling // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. Vol. 99. No 1. Pp. 52–61.

Diener E., Tay L., Oishi S. Rising Income and the Subjective Well-being of Nations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2013. Vol. 104. No. 2. Pp. 267–276.

Easterlin R. A. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence // *Nations and Households in Economic Growth* / ed. by P. A. David, M. W. Reder. Palo Alto, CA : Stanford University Press, 1974. Pp. 98–125.

Easterlin R. A. Explaining Happiness // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2003. Vol. 100. No. 19. Pp. 11176–11183.

Easterlin R. A. Lost in Transition: Life Satisfaction on the Road to Capitalism // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2009. Vol. 71. No. 2. Pp. 130–145.

Easterlin R. A., McVey L. A., Switek M., Sawangfa O., Zweig J. S. The Happiness-Income Paradox Revisited // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2010. Vol. 107. No. 52. Pp. 1–6.

Inglehart R., Foa R., Peterson C., Welzel C. Development, Freedom, and Rising Happiness: A Global Perspective (1981–2007) // *Perspectives on Psychological Science*. 2008. Vol. 3. No. 4. Pp. 264–285.

Inglehart R., Klingemann H.-D. Genes, Culture, Democracy, and Happiness // *Subjective Well-being Across Cultures* / ed. by E. Diener, E. M. Suh. Cambridge, MA : MIT Press, 2000. Pp. 165–183.

Kahneman D., Deaton A. High Income Improves Evaluation of Life but not Emotional Well-being // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2010. Vol. 107. No. 38. Pp. 16489–16493.

Kemp-Benedict E. Inequality and Trust: Testing a Mediating Relationship for Environmental Sustainability // *Sustainability*. 2013. Vol. 5. No. 2. Pp. 779–788.

Mikucka M., Sarracino F. Making Economic Growth and Well-being Compatible: The Role of Trust and Income Inequality. 2014. MPRA Paper No. 59695. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/59695/> (accessed: 14.06.2022).

Mikucka M., Sarracino F., Dubrow J. K. When Does Economic Growth Improve Life Satisfaction? Multilevel Analysis of the Roles of Social Trust and Income Inequality in 46 Countries, 1981–2012 // *World Development*. 2017. Vol. 93. Pp. 447–459.

Ng W., Diener E. Affluence and Subjective Well-being: Does Income Inequality Moderate Their Associations? // *Applied Research in Quality of Life*. 2019. Vol. 14. No. 1. Pp. 155–170.

Ng W., Diener E. What Matters to the Rich and the Poor? Subjective Well-being, Financial Satisfaction, and Postmaterialist Needs Across the World // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2014. Vol. 107. No. 2. Pp. 326–338.

Ngamaba K. H. Determinants of Subjective Well-being in Representative Samples of Nations // *European Journal of Public Health*. 2017. Vol. 27. No. 2. Pp. 377–382.

Sacks D. W., Stevenson B., Wolfers J. Subjective Well-being, Income, Economic Development and Growth // *The Pursuit of Happiness* / ed. by P. Booth. London : The Institute of Economic Affairs, 2012a. Pp. 59–98.

Sacks D., Stevenson B., Wolfers J. The New Stylized Facts About Income and Subjective Well-being // *Emotion*. 2012b. Vol. 12. No. 6. Pp. 1181–1187.

Stevenson B., Wolfers J. Economic Growth and Happiness: Reassessing the Easterlin Paradox // *Brookings Papers on Economic Activity*. 2008. Pp. 1–87.

Veenhoven R., Vergunst F. The Easterlin Illusion: Economic Growth Does Go with Greater Happiness // *International Journal of Happiness and Development*. 2014. Vol. 1. No. 4. Pp. 311–343.